

У нашего земляка народного артиста СССР М. Д. Михайлова

— Ой, Максим, да у тебя прорезался бас, — и удивленный учитель всплеснул руками. — И какой бас!

Учитель велел еще раз спеть «На севере диком», а потом обнял юношу и сказал:

— Хороший будет голос. Давай его потихонечку развивать. Но не форсируй, не надрывай.

Этот разговор происходил более сорока лет назад. Народный артист хорошо помнит и тот разговор и своего учителя:

— Учитель Поливанов был первый, кто заставил меня серьезно прислушаться к своему голосу, кто указал путь к моему призванию.

Лет за десять перед тем, как у будущего солиста Большого театра Союза ССР «прорезался бас», кольцовский крестьянин Дормидонт Михайлов с горечью напутствовал младшего сына:

— Иди, Максим, в ученье, выходи в люди. Ты уж большой. Пойми. Много вас у меня. А земляцы-то... что земляцы... ее как и нет вовсе. А я стар, скоро мне на покой. Братья-то как о разделе думают, знаешь?

Максиму, как самому малому в семье, полагалось уступить братьям при разделе свою долю небогатого хозяйства.

Унылым, пасмурным днем уходил восьмилетний мальчик «в люди». Холщевая котомка с краюхой хлеба стучала по ногам.

Два года жил он у богатых в соседней деревне. Жил не долго, но познательников получил с лихвой. Как-то летом приехал сюда на побывку к брату учитель пения Константин Николаевич Поливанов. Он услышал чистый, нежный дискант Максима и увез мальчика с собой. Определил в школу на казенный счет, стал

развивать неокрепший голос. Вскоре Михайлов стал петь тенором. А потом неожиданно появился бас.

«Интересно заметить, — пишет в одной из своих статей Максим Дормидонтович, — что, когда я занимался у Поливанова, то песни «На севере диком» и «Ночевала тучка» в одном трио я пел тенором, а через год в том же трио и в тех же песнях исполнял басовые партии. Бас «прорезался» такой силы, что иного определения, как «ирихонская труба», для моего голоса учитель не находил».

Но вот школа окончена. Что делать, когда у тебя нет никакой профессии и ни копейки за душой? Нужда привела Максима Михайлова в Казань. Он попал в ночлежку, где обитали босяки и жулики. Спал на полу под нарами. Потом устроился в церковный хор. Товарищи устроили ему сюрприз. Под каким-то предлогом привели к профессору музыкального училища.

— Тот самый бас, о котором мы вам говорили.

Старый, холеный профессор взглянул поверх очков:

— Подросток и вдруг бас? Не верю.

Максим от радости, что ему, может быть, уместна после этой встречи стать «светским» певцом, затянул гамму на самой низкой октаве.

— О! Встань подальше! Оглушишь!

И профессор, пренебрежительно посмотрев на «серую деревенщину», повернулся спиной к певцу.

С мечтой о настоящей работе, о высоком служении народу Михайлов не расставался. Тайком от ретивых служителей соборов в Казани, Уфе, Омске, Москве он ходил по театрам, брал уроки у музыкантов, разучивал басовые партии во многих

русских операх. Дьякон готовился к спелнической деятельности.

Однажды в оперной студии Москов-

ского райкомитета произошло несколько необычное событие: новый певец стоял на сцене в зимнем пальто и шапке. Он пел арию варяжского гостя из оперы «Садко», а под верхней одеждой на артисте была ряса.

Михайлов приехал в райкомитет прямо из собора. После этого он снял рясу и постриг волосы. Случилось то, о чем мечталось: Максим Дормидонтович стал певцом.

В театре есть неписаное правило: когда прослушивают нового исполнителя, то как бы хорошо он ни пел, ему не аплодируют. Но на этот раз оркестранты нарушили закон. Нивесть откуда явившийся пожилой бас так исполнил арию Кончака, что произвел небывалое впечатление. Музыканты стали аплодировать, а дирижер вместо того, чтобы сделать строгое лицо, широко улыбнулся... Максима Дормидонтовича Михайлова приняли в Большой театр, он сделался солистом столичной оперы.

Кто хоть раз слышал его густой низкий бас, тот хорошо запомнил широкий, мощный голос. Мы знаем Максима Дормидонтовича как лучшего исполнителя роли Ивана Сусанина в одноименной опере, он великолепно поет мельника в «Русалке». В Большом театре Михайлов сыграл и спел больше двенадцати ролей. Он создал на сцене образ мужика Митюхи в «Борисе Годунове» и жестокого Кончака в «Князе Игоре», варяжского гостя в «Садко» и Гремину в «Евгении Онегине». Обширен и песенный репертуар выдающегося певца.

Сейчас народный артист СССР готовится выступить в новой советской опере «Декабристы» Ю. Шапорина.

...Приветливо встречает Максим Дор-

мидонтович земляков. Сразу спрашивает: — Какие новости, что хорошего в Большовке?

Разговариваем о родном крае. О новостройках и богатых урожаях, о чувашской культуре и гидростанциях на Цивиле.

— Полняется, растет наш край. В последний раз я уезжал из Чебоксар с очень хорошим чувством. Прекрасные дела совершает трудолюбивый народ.

Вспомнилось лето 1947 года. Несколько месяцев прожил народный артист СССР в родной деревне. «Вжился я тогда в колхозные дела, получил хорошую зарядку для творчества». Максим Дормидонтович ходил на луга и в поле, бывал на животноводческих фермах и в механических мастерских. Живое интересовался новой, преобразенной Кольцовкой. А уезжая, дал в парке большой концерт для односельчан — пел почти пять часов.

— И, знаете, как-то грустно было уезжать от этих работающих людей, из нашей колхозной Кольцовки. Но эта была все-таки приятная грусть. Совсем не та, с которой полвека назад уходил я отсюда «в люди»... Думаю скоро снова побывать на родине. Кстати, не знаете, есть теперь рояль в нашем клубе? Я как-то говорил Сергею Есенофоновичу Короткову, что рояль надо непременно приобрести. Ведь это очень важно для коллектива художественной самодеятельности. В Кольцовке можно, пожалуй, и музыкальную школу открыть.

Максим Дормидонтович достает из кармана письмо. В одном из гарнизонов служил его земляки. Они просят народного артиста СССР спеть по радио народную песню «Вьюль по Питерской» и «Застольную» Бетховена.

— Надо обязательно уважить просьбу, — говорит Михайлов. — Как раз в тот город меня пригласили на несколько концертов. Хочется с земляками повиляться, исполнить им не только песни, но и мою любимую арию Сусанина.

Позвонил телефон. Артисту напомнили, что он завтра обещал выступить в концерте для строителей Московского университета. Готова ли песня, которую Максим Дормидонтович хотел спеть по заявке бывшего воина Чапаевской дивизии?

— Да, да, все готово.

Максим Дормидонтович просит послушать, как звучит широкая песня о народном герое. Артист поет вполголоса.

Партию у рояля исполняет сын народного артиста, тоже солист Большого театра. Он стал певцом недавно.

Когда началась война, студент энергетического института Игорь Михайлов добровольно ушел на фронт. В дни затишья солдат пел в коллективе художественной самодеятельности. У него был хороший голос, и командование части сообщило об этом в Краснознаменный ансамбль песни и пляски Советской Армии. Вскоре Игорь стал артистом этого известного коллектива.

Минувшей осенью Игорь Михайлов решил попробовать свои силы в Большом театре. Певец выдержал испытание. Дирижер сказал ему:

— У вас, молодой человек, почти такой же бас, как и у знаменитого однофамильца.

Игорь смущенно улыбнулся. В театре тогда не знали, что он сын Максима Дормидонтовича.

Новый солист выступил уже в трех операх — «От всего сердца» Жуковского, «Гальке» Монюшко и «Морозко» Кривякова. А в «Декабристах» отец и сын Михайловы будут петь вместе.

...Расставаясь с земляками, Максим Дормидонтович попросил:

— Передайте горячий привет землякам. При первой же возможности я снова побываю в родной республике. А пока у меня работа и учеба. Ведь, как знаете, искусство не имеет «потолка». Так что все время приходится учиться.

Н. СТУРИКОВ.

г. Москва.